

В последующие три года Фэн Чунхуа не выходил из затвора.

Он велел Цзян Цяньюань собирать по всему миру диковинные цветы и духовные сокровища, с помощью Бай Ю обратил вспять и остановил жизнь Су Синь и день за днем, год за годом перенаправлял духовную ци, чтобы сохранить еще не рожденного ребенка.

Всеми государственными делами ведал помогающий правителю сановник И Чанминь.

Три года тянулись так долго, словно минула целая жизнь.

Пока Цзян Цяньюань не привел седовласого старца по имени Мэн Тао.

Неизвестно, сколько веков прожил этот старик: он был похож на старого духа земли из придорожной кумирни — невысокого роста, с длинной бородой, свисавшей едва ли не до самых колен.

С загадочным видом он заявлял, что каждый волосок его бороды — драгоценное лекарственное сырье, тратить которое ни в коем случае нельзя. Правила же его были предельно просты: не берется лечить тех, кто при смерти, и тех, кто уже мертв.

Взглянув на Су Синь, Мэн Тао вспыхнул во взоре жадным, неистовым огнем, словно увидел перед собой совершенное произведение искусства.

Он достал трехдюймовую иглу бледно-голубого цвета и вонзил ее в меридианы сердца Су Синь, затем вырвал собственный волосок, туго перетянул им живот Су Синь и, совершив какие-то неведомые манипуляции, силой извлек из утробы Су Синь мертвого ребенка.

Да, мертвого: этот плод погиб еще три года назад.

Но казалось, он просто погрузился в глубокий сон — за исключением отсутствия признаков живого существа, он ничем не отличался от живого.

Мэн Тао посадил в цветке росток с белыми листьями в форме алебарды и, не дожидаясь возражений Фэн Чунхуа, прирастил к нему младенца. Покачивая головой, он произнес: «Пернатые крылья питаются человеческим костным мозгом и втягивают живые души. Теперь я соединил семь отверстий этого ребенка с пернатыми крыльями, что позволит временно сохранить его плоть от тления. Если вы хотите вернуть его к жизни, каждый год в это же время обладающий мощной духовной силой воин должен приносить жертву Древу Пернатых Крыльев».

Он не давал людям опомниться от шока, ведя себя так, будто изучал медицинское чудо, предел которому — одно лишь совершенство.

Затем старик перевел взгляд на Су Синь, извлек бледно-голубую иглу и скормил ей пилюлю: «Эта госпожа поражена Проклятием Разлученных Сердец?»

Не дожидаясь ответа, он сам покачал головой и продолжил: «Сердце отделилось от тела. Если не убить того, кто наложил проклятие, заклятие это не снять до конца дней. Но коль скоро истинная душа этого ребенка уже мертва, по идее, проклятие должно было утратить силу, так почему же... почему оно все еще неразрешимо?»

Фэн Чунхуа спросил: «Остался еще один сын».

«Тогда отправьте его прочь, чем дальше, тем лучше, — не раздумывая выпалил Мэн Тао. — Тело и сердце врозь, жизнь и смерть не видятся. Чтобы эта женщина осталась жива, ребенок должен держаться вдали от матери. Чем дальше он будет, тем меньшим потрясением это отзовется в ней. Если она не желает испытать чашу палящей сердце боли, ей придется вкусить горькую чашу разлуки с плотью и кровью. Это позволит продлить ей жизнь по меньшей мере на семь лет».

Фэн Чунхуа уточнил: «А что будет через семь лет?»

«Спустя семь лет — как повернется судьба. Если у нее останется воля к жизни, то пусть живет, цепляясь за каждый выдох благодаря этому способу». Мэн Тао протянул небольшой буклет, глядя на Древо Пернатых Крыльев так, будто это был венец его врачебных трудов. «Что же до этой девчушки, то она уже единожды побывала на том свете, так что обратное воздействие на мать можно считать нейтрализованным. Но, пожалуй, между матерью и дочерью не будет теплой привязанности: в будущем этот ребенок вырастет холодным по характеру и к матери останется равнодушным. Ой да ладно! Главное в любом случае — выжить, а уж о черствости ли рассуждать!»

Независимо от того, казались ли слова и поступки этого странного старика заслуживающими доверия, пусть даже речь шла о призрачной надежде ради спасения Су Синь от невыносимой, испепеляющей сердце боли, Фэн Чунхуа в конце концов принял решение отправить трехлетнего царевича в изгнание, дабы они никогда больше не встретились.

Стоя на дворцовой стене, он молча провожал взглядом уходящего ребенка.

Малыш шагал за Мэн Тао, то пиная камешки, то разглядывая игрушки на придорожных лотках, то дергая старика за длинную бороду.

Казалось, он нашел истинный смысл детской беззаботности — вылитый соседский паренек, наивный и романтичный.

Чудаковатый старик увел ребенка из Города Наньюань, скрыв из поля зрения Фэн Чунхуа.

Все дальше и дальше.

Небо в тот день было чистым, бескрайне синим, палило палящее солнце.

Подпитываемый пролитой кровью, Массив Аккумуляции Духа постепенно восстанавливался.

Фэн Чунхуа отозвал духовную энергию и, погрузившись в медитацию, выровнял дыхание; по его щекам уже катились слезы, вплетая смертную бледность в самую его суть.

Будь он жесток и безжалостен, убей он того человека...

Су Синь не пришлось бы переносить столько страданий на протяжении этих двух десятилетий.

Семь лет боли от разлуки с ребенком, десять лет боли от заточения самой жизненной силы.

Спустя семь лет, когда угольно-черные волосы Су Синь обратились в седину, настанет час заката ее жизни. Именно Фэн Чунхуа сплетал одну благую ложь за другой, даруя Су Синь волю к жизни, чтобы она добровольно цеплялась за угасающее дыхание при помощи Массива Аккумуляции Духа, во тьме вечной ожидая исполнения своего заветного желания.

Ощувив несравненное одиночество Фэн Чунхуа, Су Синь очнулась от боли и мягко коснулась пальцами следа от слезы на его щеке: «Чунхуа, тебе не в чем себя упрекать. Убивать верного сподвижника — значит подрывать народные сердца. Он — твой военный советник, он помог тебе достичь императорского величия. Я никогда ни на кого не держала зла, моей смерти не жалко, но ты не смеешь убивать его, иначе оледенеют сердца князей Западного Моря».

«Я и он... пускай...» — Фэн Чунхуа пережевывал бесконечную горечь, и все эти невыразимые, смутные чувства казались неизгладимыми в каждой прожитой доныне жизни.

Каждый мимолетный порыв убить того, кто обитает в Небесной Столице, отзывался в нем так, будто он собственными руками вырывал куски из собственной души.

Он не мог убить его не потому, что боялся остудить сердца подданных, а потому, что каждый занесенный против него меч ранил его собственное сердце.

Ночь густой пеленой окутывала землю.

Фэн Сихэ стояла на самой вершине горы, окутанная легкой дымкой, точно небожительница с картины, взирая на безмолвное запустение мира.

Те убийственные замыслы, что таились в кромешной тьме, стоило того, чтобы их дожидаться.

Дождаться того, чтобы после этой ночи заявить о себе на весь мир.

Сто тысяч золотых за голову женщины — достаточная плана, чтобы привлечь первого убийцу Поднебесной.

Стоило отдать этот приказ, как половина мастеров из списка наемных убийц приняла его, устремившись в тени и притаившись в непроглядной мгле в ожидании смертельного удара.

На вершине царила такая тишина, что не было слышно даже дыхания ветра.

Лианы свисали с деревьев, их корни переплелись в сплошную сеть. Вся вершина горы утопала в объятиях бесконечной зелени и тьмы, не позволяя разглядеть ни единой звезды.

Убийцам присуще природное чутье, и переплетенные лианы вкупе с темнотой служили лучшим укрытием.

Цветы распускались и опадали, луна сменялась солнцем, и эта ночь длилась мучительно долго.

По гладкой поверхности лиан пробежала легкая рябь, и Фэн Сихэ холодно усмехнулась.

Лунный свет скользнул по горному хребту, бросив последний луч в ее глаза, после чего погрузился во тьму.

Тонкая рука рассекла воздух, и белая молния стремительно уколола пространство.

Среди лиан раздался стон, брызнувшие фонтаном алые капли обагрили зелень.

Словно расправляющие крылья орлы, дюжина фигур выпрыгнула из зарослей; их мощь увлекла за собой огромные массы лиан, взметнув их в небо смерчем, подобно свирепому чудовищу, сметающему все на своем пути с дикой яростью.

В их глазах читалась насмешка, широкие рукава развевались на ветру, а десять пальцев, острых словно мечи, раз за разом наносили смертоносные удары.

Взметенный вихрем покров из лоз становился все яростней, увлекая за собой каждую травинку и комочек земли, превращая их в острейшее оружие, свирепо кружившее вокруг Фэн Сихэ.

Ледяной блеск мелькнул на дне зрачков Фэн Сихэ, воздух вокруг словно вмиг выгорел, и морозный холод пронесся по всей вершине.

В этот миг в сердцах всех нападавших поднялся невольный страх.

Раздался тихий рассекающий звук, напоминающий разрыв кровеносного сосуда, но никто не обратил на него внимания.

Кровь забил горным родником, обагрив зелень лиан, и лишь широко распахнув в изумлении глаза, они осознали, что эта алая влага хлещет из их собственных перерезанных горл.

Кровавый хаос пронзил небеса!

Устремив взоры в непроглядную ночную тьму, они не смогли издать даже стога.

Лишенные поддерживающей силы лианы мгновенно рассыпались на куски, закружившись в воздухе и опадая великолепным изумрудным ливнем.

Фэн Сихэ резко развернулась, взмыв ввысь подобно огненному фениксу, чтобы падающая листва и каменная крошка не запятнали ее одежды.

В тот же миг три оперенные стрелы, раскалывая воздух с ревом свирепых зверей, помчались вперед, целясь ровно в парящую Фэн Сихэ.

В голову, в сердце, в живот.

Быстро, точно, смертоносно.

Эти три стрелы непременно должны были оборвать ее жизнь.

Человек в черном горделиво усмехнулся: исход решен, в следующее мгновение его враг превратится в труп.

А он сам окажется победителем-волком.

Сто тысяч золотых награды и одна охота — этого с лихвой хватит на безбедную жизнь до конца дней.

Белая вспышка мелькнула во тьме и тут же погасла, словно легкий ветерок коснулся лица, оставив после себя вечное безмолвие гор и рек.

Со свистом рассекая воздух, три стрелы полетели назад с невероятной скоростью — еще быстрее, еще точнее, еще безжалостнее.

Человек в черном остолбенел: лишь на мгновение сверкнул холодный свет, как три стрелы ядовитыми змеями впились в его грудь, разорвав сердце прежде, чем он успел даже подумать

об этом.

Пронзив грудную клетку перьями на хвостах, стрелы измельчили кровеносные сосуды сердца и вышли со спины, а мощнейший импульс пригвоздил его тело к скале.

Кровь потекла по камням, просачиваясь в почву и питая зеленые лианы. Широко раскрытые глаза застыли в смерти — он умер с открытыми глазами.

Фэн Сихэ изящно двинулась и легко приземлилась на чистый камень, слегка взмахнув рукавом, будто стряхивая пыль.

— Что это за гора?

Темная ночь уже миновала, и лучи зари пробивались сквозь облака.

Фэн Сихэ подняла голову, встречая новое рождение в лучах утреннего солнца.

— Гора Кун, — ответил голос из тени Юнь Иня. Он стоял в недоступном для света углу, словно тень, неотступно следующая за тенью Фэн Сихэ.

Он был клинком, обнажающим свое лезвие лишь по воле хозяина.

— Гуттон в пустых горах звучит еще глубже, а стихнет человеческая речь — пуще сгустится тишина, — медленно произнесла Фэн Сихэ. — Объяви миру о статусе первого поднебесного мастера, закидывай сети.

— Слушаюсь.

Под облаками вспыхнул багряный свет, напоминающий алый серп луны, засиявший на ветру.

Вращающийся Клинок Ночного Демона. Давно он не пил человеческой крови и костного мозга.

Убийцы — всего лишь бруски для заточки меча, закаливающие остроту клинка Ее Высочества, а эта гора станет братской могилой для каждого из них.

Первый мастер Поднебесной?

Человек в Беседке Опрокинутых Небес развернул донесение, заметно удивившись: «После смерти прежнего главы павильона пять лет назад никто не осмеливался называть себя сильнейшим мастером боевых искусств в Поднебесной. Нынешний глава тоже временно заморозил это звание, и вот теперь, нарушив правило, они возобновляют его — и

обладательницей титула становится женщина?»

Стоявший рядом ответил: «Именно женщина. Воля главы павильона в том, чтобы ввести двойную номинацию».

— Помимо боевых искусств, за что еще будут присуждать места в списке?

— За женскую красоту, равно как и за лик красавицы.

— Список Красавиц?

— Улыбка прелестна, глаза лучатся, — произнес тот человек. — Большинство женщин с высочайшим уровнем совершенствования начисто лишены женственности; истинная красота заключается в одухотворенности, складе характера и силе души. А уж если говорить о тех, чья красота способна повергнуть весь мир ниц, то они обитают во Дворце Трех Жизней.

— Легки, как вспорхнувший гусь, грациозны, словно парящий дракон, заставляющие стотысячное войско сложить оружие — разве это не запредельная, утонченная красота? — добавил вестник. — Раз уж сия весть исходит от самого главы павильона, в ней наверняка кроется глубокий смысл. Нам остается лишь повиноваться.

— Раз так, давайте попутно скорректируем и остальные списки.

<http://bllate.org/book/21826/2260531>